

НОРВЕГИЯ

ИМЕТЬ РЫБАЦКОЕ СУДНО И НИ ОТ КОГО НЕ ЗАВИСЕТЬ

ЭРИК РЮДЕНГ

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДИРЕКТОР ФОНДА
«СВОБОДНОЕ СЛОВО»

Эрик Рюденг входит в элиту общественных деятелей Норвегии. В 1999 году возглавил т.н. Комиссию Рюденга, которая в 2000 году представила доклад о том, как Норвегия позиционирует себя как культурная нация за рубежом. С 1990 по 2000 год – директор Норвежского народного музея. С 2001 года – управляющий директор фонда «Свободное слово». Крупнейшими проектами фонда за эти годы являются создание Дома норвежской литературы, финансирование создания Норвежского биографического словаря и Большой норвежской энциклопедии.

Фонд оказывает поддержку проектам в области массовой коммуникации, архивно-издательским проектам, проводит общественные акции, призванные сделать достоянием общественности значимые события и артефакты норвежской истории и культуры. Фонд «Свободное слово» принимает участие в финансировании ряда проектов, касающихся отношений СССР/России и Норвегии. В частности, в настоящее время готовится публикация «норвежской» части записок Александры Коллонтай «Двадцать три года на дипломатической работе».

Готовясь к этому интервью, я встретил в норвежских СМИ такую характеристику Вас – Идеалист. Каковы аргументы норвежского идеалиста, которые убеждают норвежских материалистов в том, что ресурсы необходимо направлять

на нематериальное, в том числе необходимо инвестировать в память?

Не считаю себя идеалистом. Скорее человеком, заинтересованным в человеческих ценностях. Норвежское общество излишне концентри-

руется на материальных аспектах бытия, особенно молодое поколение. Надо признать, что Ваш вопрос мы недостаточно часто задаем сами себе.

Под материалистами я имею в виду не только молодежь, у которой, как правило, немного денег, а тех материалистов, у которых денег много, – людей более старшего поколения.

Старость – время воспоминаний, сосредоточенности, своего рода медитации, то есть время нематериального. Но для любого нувориша, даже если это целая нация, эффективное использование ресурсов составляет проблему. Он не концентрируется на философии, искусстве – на всём том, что, по его мнению, не имеет практического смысла. Что же нам делать?

Моя профессиональная карьера была связана с издательским делом, музейным делом, с университетом. Теперь я нахожусь в привилегированной позиции стимулирования процесса написания книг, производства документальных фильмов, проведения выставок, семинаров и конференций. Мы можем противостоять вызовам времени, пытаюсь соединить идеалистические перспективы с пониманием того, как передавать ценности, облекая их в различные медийные формы. Масс-медиа, телевидение должны представлять не худшие импульсы, а лучшие устремления.

Такие конференции, как эта, позволяют нам воспринимать ретроспективу, помогает осмысливать важные инициативы, для созревания которых необходимо время. В 1989 году я организовал аналогичную конференцию, связанную с преды-

дущей годовщиной нашей Конституции. Тогда я впервые услышал лекцию Вадима Рогинского. В то время Россия начала открывать архивы, и он, к нашему удивлению, заявил, что там есть километры архивных материалов, связанных со скандинавскими делами. Рогинский упомянул договор, не известный у нас, – Санкт-Петербургский договор 1812 года, связанный с Норвегией. Кроме того, он упомянул посла Орлова, который в 1814 году рекомендовал королю не ввязываться в военные действия и попытаться убедить шведов следовать только что принятой норвежской Конституции.

Мы должны отдать должное русским историкам, чьи исследования, проливая свет на события прошлого, задают перспективу на десятилетия.

Шведский историк Хелен Карлбэк, интервью с которой было опубликовано в первом номере «Янтарного моста» за 2012 год, отмечает, что для её соотечественников отождествление себя с Европой произошло лишь со вступлением в Европейский Союз. До этого Европа более ассоциировалась с чем-то католическим – с Францией, Италией. Каковы взаимоотношения норвежцев с таким понятием, как Европа? И что Вы вкладываете в понятие «норвежец»?

В Норвегии тоже много людей, связывающих Европу с католицизмом. Не случайно Европейский Союз базируется на Римском договоре. Даже в наших средневековых легендах Рим рассматривался как героическая сцена.

Полагаю, этому есть две основные причины. Мы воспринимали Европу как некую внешнюю суперсилу. Имела место инстинктивная реакция про-

Адельстен Норман. Лето на Лофонтенских островах (1882–1883)

тив любого правления «сверху» – из Копенгагена ли, из Швеции, или, еще хуже, из Брюсселя. Теперь, когда Евросоюз, так сказать, лежит на спине, в Норвегии очень мало людей выступают за членство в нем. Процентом пятнадцать или около того. И поскольку для практических целей мы следуем правилам ЕС, регулирующим внутренний рынок или, например, научные исследования, полагаю, мы должны также принимать участие и в принятии решений.

Существуют сильные аргументы за полное членство. Либо нам нужно как-то разорвать автоматическое членство в еэсовских договорах и организациях, либо – найти абсолютно новые формы сотрудничества. В текущей ситуации необходимо больше ответственности.

Мы, норвежцы, индивидуалисты. Урбанизация пришла к нам довольно поздно. Идеальный способ существования – иметь свою ферму или рыбацкое судно и ни от кого не зависеть. Я часто обращаюсь к средневековым сагам. Одна из них повествует о короле-крестоносце, отправившемся на кораблях со своими людьми в Константинополь. Они намеревались мирно войти в город, зная, что людей с севера примут хорошо. Король сказал своим людям: «Мы увидим самых красивых женщин, о которых вы только могли мечтать. Они покрыты золотом, драгоценными камнями и ослепительными украшениями. Не глазейте по сторонам, не будьте болванами. Держите головы высоко – пусть думают,

что всё это вы уже видели дома».

Следующий вопрос тоже имеет шведские «корни», но это совпадение. 22 марта в Посольстве Швеции в Москве была представлена книга с интригующим названием – «Можно ли стать шведом?». Книга посвящена проблемам адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции. Авторы признались, что так и не смогли найти ответ на этот вопрос. А можно ли стать норвежцем?»

Я бы сказал да. Но, может быть, еще сложнее, чем шведом. У нас идут иногда довольно жесткие, но конструктивные дискуссии о том, просто ли быть норвежцем. Думаю, разные люди вкладывают в это понятие различный смысл. Существуют и более смешанные, гибридные определения словосочетания «быть норвежцем», но коренное население зачастую находится под впечатлением от контактов с иммигрантами: «Мои дети играют в футбол с детьми другой расы, другого цвета кожи». Впрочем, дело не только в цвете кожи – ведь многие люди приезжают из Польши, из Португалии, чтобы найти работу. Думаю, усиливаются понимание и политическое воля – не только научить их быть такими, как мы, но и самим развиваться новыми путями.

В норвежских СМИ нередко публикации, в которых ставится под сомнение практика лингвистических табу. Такие табу, во имя политкорректности, политики накладывают на всех тех,

кто занимается публичной деятельностью и на публичные выступления как таковые. Какова позиция в этом вопросе фонда «Fritt Ord»?

У нас нет конкретной политики того, о чем люди должны говорить, а что должны умалчивать. Наша позиция заключается в том, что мы должны проводить дискуссии на соответствующие темы. Есть целый спектр политических корректностей. Инвалиды теперь политкорректно называются людьми с ограниченными возможностями. Думаю, мы должны принимать это как должное. Но также важно иметь определенный уровень открытости. Люди, приезжающие в нашу страну, попадающие в наше общество, не должны сетовать, что «к нам все время придираются», что «люди шутят над нашей религией». В нашем обществе уже в течение ста пятидесяти лет христианская религия критикуется с достаточно высокой степенью открытости. И мы не можем допускать ситуации, когда те или иные группы людей, те или иные религии ограждены от обсуждения или критики. Так что в Норвегии имеет место своего рода светский космополитизм.

Это позиция Ваша и Фонда?

Я бы сказал, что мы не имеем многочисленных заявлений по таким вопросам. Мы проявляем свою позицию путем предоставления грантов на поддержку около сотни проектов в год. Кто-то может усматривать некие скрытые замыслы в этом распределении, но ведь есть и другие фонды, и государственные источники средств...

Это мое личное мнение, которое, возможно, разделяется и многими другими людьми. Но мы не говорим, что у нас есть политика для того-то и того-то. Мы осторожны в своих заявлениях, будучи экономически влиятельными и активными в некоторых сферах. При этом мы не боимся содействовать острым дискуссиям.

Что изменилось в норвежском обществе после трагических событий минувшего лета? Изменилась ли «повестка дня» общественного сознания? То есть не только то, что говорится публично, но и то, что происходит в головах.

Не думаю, что произошли тектонические сдвиги. Раньше люди не интересовались проблемами безопасности, работой полиции, организацией первой медицинской помощи. Есть множество проблем в том, как демократическое общество защищает себя от агрессии и терроризма. Мы хотим быть

толерантными, честными, не слишком подозрительными. В докладах комиссий содержались тезисы, указывающие на наличие своего рода коллективной вины в наивности. Тем не менее, большинство норвежцев предпочло бы полицейскому государству жизнь с риском терроризма.

Нет существенных изменений, нет новой паранойи в виде террориста за каждым углом. Гораздо проще сказать, что у нас должно быть больше полиции и что мы должны быть более осторожными, когда называем людей плохими словами. Необходимо криминализовать разжигание ненависти, но есть и озабоченность тем, что политический язык влияет на градус агрессивности людей. Многие люди боятся критиковать мусульман и жестко выражаться о правых популистах, потому что тогда они окажутся исключенными из дискуссии и их экстремизм усилится. Знаю, что многие ощущают, что запрещено, например, иметь мнение, согласно которому необходимо увеличить иммиграцию.

Кристиан Крог. Сильный ветер (1882)

Вы террорист, если у вас такое мнение? Почему вам должно быть не разрешено его высказать? Другое дело, если вы говорите, что премьер-министр должен быть убит, если будет продолжать нынешнюю иммиграционную политику.

Думаю, что в норвежском обществе есть некоторая наивность. Мы более не являемся бедной страной. Мы – небольшая страна, но у нас есть большие структуры в нефтяной сфере, осуществляющие деятельность по всему миру. И эта деятельность обсуждается. Существует немало самокритики. И это хорошо. И в этом суть деятельности нашего Фонда.